

ВОЗВРАЩЕНИЕ ПИСАТЕЛЬСКОЙ СВЯТЫНИ, или Репортаж с поллитрой за воротником

Думаю, что в давние советские времена среднестатистический член Союза писателей СССР проводил за рабочим столом куда меньше времени, чем за зланным столом ресторана ЦДЛ. Помимо естественной склонности соотечественников красиво выпить и закусить, тому способствовала и финансовая политика партии и правительства в отношении так называемой творческой интеллигенции. Однако и после ухода со сцены большевиков, подкармливавших прожорливых советских писателей, соотношение между, так сказать, творчеством и бражничеством изменилось не столь уж и сильно. Однако последние полгода писателям приходилось пить и закусывать где угодно и как угодно, поскольку ресторан ЦДЛ был закрыт на ремонт. И это влияло на современный, с позволения сказать, литературный процесс самым пагубным образом.

И вот наконец-то в одну из минувших суббот был объявлен большой сбор. Памятя о золотых советских деньках, когда гонорар в толстом журнале позволял оттягиваться в данном заведении не менее недели, а вышедшая книга рассматривалась как повод заставить работать на пределе пищеварительные органы не одного десятка человек, литераторы потянулись на улицу Герцена.

Одних грели воспоминания о запредельном сорокалетии Василия Аксенова, которое продолжалось всю ночь и было отмечено невиданными дотеле излишествами, других - нахождение за соседним с Юрием Олешей или Михаилом Светловым столиком, третьих - пребывание в зале, украшенном солидными резными дубовыми панелями, Рональда Рейгана и Михаила Сергеевича Горбачева. Кто-то вспоминал поминки по Всеволоду Кочетову, которые закончились коллективной дракой... Да, стены этой писательской резервации, где всегда можно было делать кое-что из того, что в обычной жизни каралось правоохранительными органами, повидали немало.

Автор этих строк, которого пригласили на мероприятие пуска в эксплуатацию в качестве журналиста, также имел некий опыт посещения писательской святыни. В большевистско-демократическое межсезонье он с поэтом Александром Макаровым-Кротковым несколько раз сживал здесь за стандартным русским набором, состоявшим из двух порций селедки и бутылки водки.

Кто только из свидетелей и участников советской былинной старины не пришел в подновленный ресторан погреться у камина. Лидия Либидинская - литературовед и по совместительству теща Игоря Губермана (в довоенные времена ежегодно устраивавшая у себя дома дни рождения Алексея Крученых, на которых частенько бывала Ахматова), гимнописец Сергей Михалков, Виктор Боков, Анатолий Рыбаков, Владимир Соколов, Андрей Вознесенский, Григорий Поженян, Владимир Солоухин, Евгений Рейн, Алексей Пьянов, Евгений Храмов, Михаил Мишин... Был даже Генеральный секретарь, правда ПЭН-центра, Александр Ткаченко. Из людей, призванных в литературу PERESTROYKOY, были лишь Александр Кабаков и Владимир Вишневский.

Находясь в предвкушении (в прямом смысле этого слова), публика хлынула в зал. Директор ресторана успел-таки разрезать ленточку ножницами прежде, чем ее разорвали бы грудью самые прыткие. И тут же публика была принята в расторопные руки официантов в нарядных косоворотках революционной расцветки "а ля рюс мюжик". Предваряя фуршет, директор ЦДЛ Владимир Носков коротенько поздравил собравшихся

со сдачей объекта в эксплуатацию. Сергей Михалков также не был многословен, сообщив о том, что директор ресторана пообещал ему доступность цен. Ну что же, предприятие питания вполне сможет позволить себе делать солидную скидку для Героев Социалистического труда. Однако, как показало исследование меню, простые смертные смогут себе позволить здесь разве что чашечку кофе. Ну, а отобедать можно только лишь в сопровождении спонсора...

И тут же приступили: налегая на бутерброды, чокаясь, делясь планами и раздумьями. И дело пошло с огоньком, по-стахановски, именно так, как это движение в свое время описал ряд присутствовавших здесь вечнолавровых властелинов читающих умов и сердец. Под горячую руку попала телевизионная осветительная лампа, остатки которой тут же были тщательно выметены. Члены цэдээльской шахматной команды Владимир Влади́н и Борис Брайнин горячо

обсуждали свое неудачное выступление в каком-то турнире, пересыпая жесты и междометия словами "лошадь", "офицер", "тура", "королева". Ведущий передачи "Графоман" и издатель "Глагола" Александр Шаталов грозился увеличить количество выкидываемых им на телевидении в мусорную корзину книг. Александр Щуплов намеревался вцепиться в бороду автору этих строк, который на тот момент был ведущим рубрики "Сатира и юмор" "Московского комсомольца" (спешу сообщить, что с желтым комсомольским прошлым уже покончено раз и навсегда), за то, что он долго не печатает щупловские стихи. Но от скальпирования нижней части лица господина поэта отвлек какой-то златокудлый юноша, материализовавшийся из тумана словно Незнакомка...

В конце концов, все было вначале съедено, а потом и выпито. Наименее стойкая публика потянулась к выходу, наиболее - откинувшись от стойки бара (поскольку 100 граммов простой кристалловской водки стоит аж 19 тысяч!), засела в буфете, где, с точки зрения цен, все гораздо демократичнее.

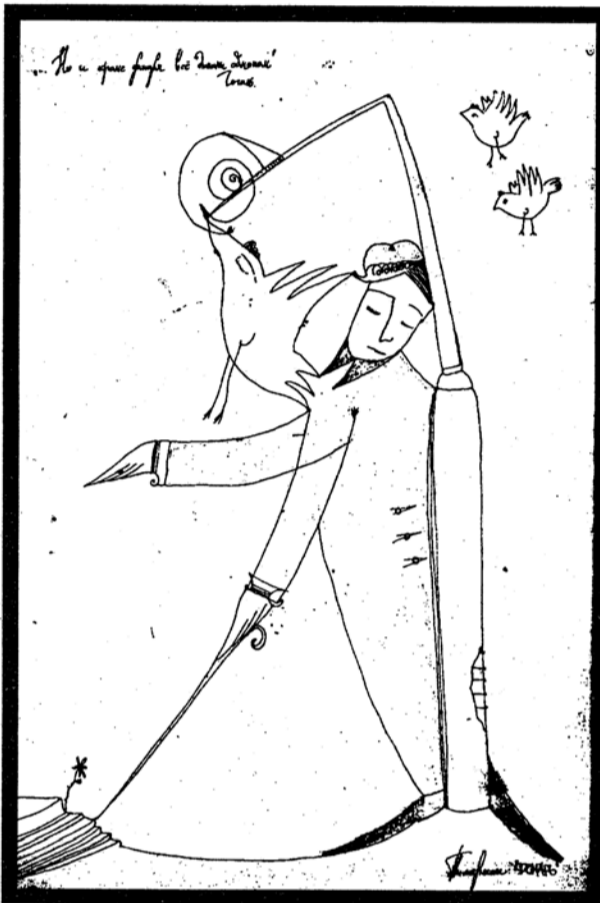
И вот тут-то, словно метеор, просвистел Евгений Евтушенко, энергично, как кандидат в президенты, пожал десяток рук и скрылся в вечерних московских просторах. Как заметил один киносценарист, это был очень точный драматургический ход, рассчитанный на возбуждение интереса к своей избалованной вниманием СМИ персоне...

Подытоживая увиденное, можно отметить, что открывшееся фешенебельное заведение рассчитано именно на новых русских. А поскольку процент этого сословия среди писательской братии невелик, то гулять под

дубовыми сводами, греться у старинного камина и рассеянно слушать бречанье на клавишах цэдээльского тапера будут, в основном, люди нелегкого и опасного финансового труда. Ну, а бывшие завсегдатаи будут нарезать в буфете, вместе с воспитаньем Александровичем Приговым "милиционером":

В буфете дома литераторов
пьет пиво милиционер.
Он пьет его на свой манер,
не замечая даже литераторов.

ВЛАДИМИР ТУЧКОВ

СЛОВАРЬ "ЦИРКА" ОЛИМП

МЕТАЯЗЫК. Это довольно часто употребляемое в рассуждениях о современном искусстве понятие заимствовано из логики и лингвистики, которые изучают строение языка в самом широком смысле этого слова. Как известно, помимо естественного языка, в культуре существует и множество условных языков (языки науки, искусства и т.д.) Культура, таким образом - это целая система языков, связанных между собой определенными отношениями. В логике существуют понятия ЯЗЫКА-ОБЪЕКТА и МЕТАЯЗЫКА. Язык-объект - это предмет исследования. Метаязык - язык уже искусственный, выстроенный и порожденный дискурсом, на котором это исследование ведется. Казалось бы, все просто. А.С.Пушкин, "Я помню чудное мгновенье...": язык - русский, метаязык - система литературоведческих, лингвистических или культурологических понятий, при помощи которых это стихотворение исследуется. Однако любой грамотный филолог легко опровергнет эту нехитрую формулу. Между естественным языком и языком науки в данном случае существует еще, по крайней мере, одно звено - художественный язык, который как бы надстраивается над естественным языком и на каждом этапе развития культуры имеет свои особенности. Фактически "условный" художественный язык в литературе является метаязыком для определенной области естественного языка. Его-то и исследует филолог, описывая на своем языке (метаязыке) понятий и категорий.

Культура XX века наглядно демонстрирует, что соотношение "язык - метаязык" - это не только исследование "живого дерева" искусства при помощи системы абстракций науки о нем. Оппозиция "язык - метаязык" живет внутри художественного текста.

Искусство имеет дело не с явлениями и фактами объективной действительности, а с представлениями людей о них, закрепленными в языке (слово, цвет, пластика и пр.). Языки вдобавок оказываются втянутыми в пространство мифа и идеологии. Другими словами,

искусство работает с разными языками. Среди этих языков немаловажную роль играет и собственный язык искусства, художественная традиция.

Современное искусство (впрочем, не только оно, достаточно вспомнить Л.Стерна и А.С.Пушкина) постоянно рефлексивирует по поводу собственного языка, собственных средств и "приемов", по поводу взаимоотношения своего языка с другими языками, осознавая ограниченность и условность любого дискурса. Другими словами, искусство занимается проблемами метаязыка, строит собственный метаязык.

Например, в повествовательной литературе прошлого большое значение имела такая структурная единица художественного языка, как "событийный сюжет", который именовали концепцией действительности.

Полагалось, что сам отбор и расстановка событий из жизни отражают представления художника о мире. Современная проза прибегает к МЕТАСЮЖЕТУ, который как бы надстраивается над уже обыгранными в культуре сюжетными единицами, исследуя их возможности. Драматические коллизии, волновавшие художников прошлого, превращаются сегодня в элементы языка-объекта, требующие независимого и вместе с тем субъективно ограниченного взгляда современного автора изучения. В любом случае, акцент переносится с "языка сюжета" на "сюжет языка" и отношение к нему нового творца. Такова, например, проза Дж.Фаулза и У.Эко, Виктора Ерофеева и Евг.Попова.

Искусство внутри себя становится собственным исследователем и критиком, оно "не принадлежит уже и области природы, это маска, указывающая на себя пальцем" (Р.Барт).

И.Саморукова